

Глава 85. Фэйфэй. Маленький Шерлок Холмс. Фэйфэй

У господина Чу за всю его жизнь родились двое сыновей и дочь. Дочь была самой младшей. Старший сын, отец Чу Сяоханя, тоже имел двоих сыновей и дочь, и Чу Сяохань был его младшим ребёнком. Забавно, но все трое детей были от разных матерей.

Второй же сын господина Чу, дядя Сяоханя, хоть и был женат, оставался бездетным, зато на стороне у него имелась целая куча бастардов.

Сегодня у господина Чу был день рождения, и, как бы он ни презирал своих сыновей, оба они явились на торжество со своими семьями.

Войдя в дом, отец и дядя Сяоханя не стали выказывать ему неприязни. Напротив, оба широко улыбались. Чу Шэн, отец Сяоханя, даже попытался погладить сына по голове, но тот с отвращением увернулся.

Чу Шэн, ничуть не смутившись, невозмутимо отдернул руку и произнёс:

— Сяохань, ты так давно не видел отца, что совсем от меня отвык. Надо бы нам как-нибудь наверстать упущенное, укрепить отцовские и сыновьи узы.

Чу Сяохань ничего не ответил. Улыбка на лице его отца казалась ему фальшивой и пугающей маской. Он был для него просто мразью, способной в пьяном угаре изрыгать проклятия и желать своему отцу скорейшей смерти.

Не получив ответа, Чу Шэн не придавал этому значения. Он провёл жену, а также старшего сына и дочь, которые ещё не научились скрывать свои чувства, в дом.

Проходя мимо, он бросил на них строгий взгляд:

— А ну-ка, уберите с лиц завистливые ухмылки!

Старший брат и сестра Сяоханя тут же вздрогнули и опустили глаза. Но в душе их всё равно кипела зависть. Почему дед, обойдя их, решил воспитывать этого сопляка Сяоханя? Они, двое взрослых людей, стояли прямо здесь, неужели дед их не замечает?

Чу Сяохань проводил отца долгим взглядом и отвернулся, лишь когда тот скрылся из виду.

Его отец, Чу Шэн, тоже, лишь отойдя на приличное расстояние, почувствовал, что пристальный взгляд со спины исчез, и с облегчением вздохнул.

Хоть Чу Сяохань и был его сыном, он не мог не признать, что тот порой вёл себя совсем не как ребёнок. Когда Сяохань смотрел на него своими тёмными глазами, Чу Шэн чувствовал себя как под иглами, словно перед ним стоял не сын, а сам господин Чу.

Если дед и впрямь будет воспитывать его ещё лет двадцать, а то и десять, то на огромное состояние семьи Чу ему можно будет не рассчитывать. А сам он так и останется ничтожеством, получающим жалкие крохи от годовых дивидендов и вынужденным выпрашивать деньги у собственного сына.

Впрочем... у деда больше не будет такой возможности. Жаль, Сяохань.

Неизвестно, о чём он подумал, но в глазах отца Чу Сяоханя промелькнуло предвкушение.

***

— Братик Сяохань, кто это только что вошёл? — спросил Фэйфэй.

С первого же взгляда на этого человека малыш почувствовал волну густой злобы, исходившей от него. Он не мог понять, на кого она была направлена — на него, на Чу Сяоханя или на кого-то ещё, — но инстинктивно ощутил неприязнь.

Фэйфэй был мифическим зверем, очень чувствительным к негативным эмоциям.

Странно, но в этом мире, где люди с древних времён редко испытывали радость, многие были окутаны чёрным туманом негативных эмоций. Но даже поглощённые им, немногие по-настоящему питали злые намерения. По крайней мере, в общем масштабе их было немного.

Возможно, дело было в том, что с самого детства взрослые в основном с любовью и заботой относились к детям, закладывая в них основу для будущей душевной стойкости. А может, люди в этом мире и впрямь были по своей природе добры.

В тысячах миров каждый мир — словно цветок. Несколько цветков, породивших человечество, кажутся одинаковыми, но внутри они совершенно разные.

В одном мире люди и демоны танцуют вместе.

В другом — счастье так же доступно, как трава у дороги.

В третьем царят хаос и беспорядок, чёрное и белое поменялись местами, а человеческая природа изначально зла.

А какой-то мир, отражаясь в другом, может оказаться всего лишь страницей в открытой книге.

У каждого цветка есть свои правила существования и развития. Жизнь сменяется жизнью, поколение — поколением.

Поэтому, хотя Фэйфэй всё ещё пугался, видя слишком много чёрного тумана, на самом деле ему нравился этот мир. Но нелюбовь к миру не означала, что у маленького мифического зверя не могло быть нелюбимых людей. Везде и всегда найдутся паршивые овцы.

Услышав вопрос Фэйфэя, Чу Сяохань на мгновение замер, а потом невозмутимо ответил:

— Неважный человек. А что?

До этого вошло столько людей, а Фэйфэй ни о ком не спрашивал.

Малыш покачал головой, чувствуя, что нехорошо говорить о ком-то за спиной. Но в конце концов не выдержал и признался братику Сяоханю:

— Братик Сяохань, я его боюсь.

— Боишься? — удивлённо переспросил Чу Сяохань. Он-то знал истинное лицо своего так называемого отца, поэтому не питал иллюзий и не придавал ему значения. Но Фэйфэй говорит, что боится?

Объективно говоря, его отец не был уродлив. Напротив, незнакомцам он мог показаться даже интеллигентным.

И после этого Фэйфэй говорит, что боится? Каким же уродом, должно быть, выглядел Чу Шэн в глазах малыша, если тот после нескольких взглядов испугался?

Тем не менее, Чу Сяохань всё же утешил его:

— Если боишься, просто не смотри на него. Фэйфэй, держись рядом со своим папой и дядей.

Чу Шэн не осмеливался приближаться к семье Линь. В юности он пытался ухаживать за дочерью Линь Госюн, тётей Фэйфэя, надеясь породниться с Линями и обрести влиятельных родственников.

В то время наивная девушка и впрямь поддалась на его красивые слова и обходительность.

Но кем был Линь Госюн? Он в два счёта раскопал всё прошлое Чу Шэна. Выяснилось даже, что

тот, встречаясь с тётёй Фэйфэя, крутил роман ещё с одной девушкой.

Узнав об этом, в тот же вечер Чу Шэна поймали, надели ему на голову мешок, и шестеро братьев — Линь Тяньюань, Линь Юйцин, Линь Цзинли, Линь Сынянь, Линь Юйшо и Линь Юаньсун — устроили ему тёмную в тёмном переулке.

Один уставал — другой продолжал, потом третий. Закончив, они просто выбросили его у входа в больницу. При осмотре врачи не смогли зафиксировать даже лёгких телесных повреждений. Но и это было не всё. Вернувшись домой, он получил ещё и от господина Чу.

Удары господина Чу были куда тяжелее, чем у братьев Линь. Он бил его чуть ли не до смерти, так что Чу Шэн провалялся в постели больше двадцати дней.

Впоследствии Линь Тяньюань и остальные не стали скрывать от него причину случившегося, и Чу Шэн наконец понял, за что ему досталось дважды.

С тех пор Чу Шэн и братья Линь питали друг к другу взаимную неприязнь.

Примерно через полчаса все гости, приглашённые на день рождения, собрались. Подарки принимали и убирали слуги семьи Чу. Линь Хань подошёл к Фэйфэю и Чу Сяоханю и, присев на корточки, вытер бисеринки пота с носика малыша.

— Устали? — спросил Линь Хань, глядя на двух малышек, и, не желая никого обидеть, протянул руки. — Хотите, братик вас понесёт? Я точно смогу унести вас обоих.

В семье Линь и в семье Чу Чу Сяохань вёл себя совершенно по-разному. Ему было немного не по себе от такого обращения.

— Неси Фэйфэя. Я не устал, могу идти сам.

Сказав это и словно опасаясь, что Линь Хань всё же схватит его на руки, Чу Сяохань быстро зашагал вперёд.

Только в этот момент он стал немного похож на ребёнка.

— Ну хорошо, — улыбнулся Линь Хань оставшемуся перед ним малышу. — Фэйфэй, братик тебя понесёт?

Простояв так долго, да ещё и в сентябрьской жаре, малыш и вправду немного устал.

— Понесёт.

Поместье семьи Чу, как и старый особняк Линей, было построено у горы, поэтому территория была огромной.

Дойдя до центральной части, Линь Хань и Фэйфэй под предводительством Чу Сяоханя сначала зашли в кабинет, чтобы поприветствовать господина Чу. Там же был и Линь Гошэн.

Хотя у господина Чу были хорошие отношения и с Линь Госюн, и с Линь Гохуном, по-настоящему он доверял только Линь Гошэну.

Войдя в кабинет, Фэйфэй наконец достал из своего маленького рюкзака подарок.

Братик Сяохань сказал ему, что только незнакомые или неблизкие люди передают подарки через других. Близкие же должны вручать их лично господину Чу.

Малыш считал себя близким к дедушке Чу. Поэтому он не стал отдавать свой подарок кому-то, а решил вручить его лично.

Когда Линь Хань, ведя за руки двух детей, постучал и вошёл, атмосфера в кабинете была несколько напряжённой и печальной. Но при виде вошедших господин Чу тут же скрыл боль в глазах и поманил малыша к себе.

— Фэйфэй, иди сюда, к дедушке Чу, дай-ка я на тебя посмотрю. Я уже столько времени не видел Фэйфэя, совсем соскучился.

Фэйфэй подошёл к господину Чу и протянул ему обеими руками подарочную коробку.

— Дедушка Чу, это подарок от Фэйфэя. Фэйфэй — близкий человек, поэтому подарок можно показать дедушке Чу, правда?

— Правда, правда, — закивал господин Чу. — Если наш Фэйфэй не близкий, то кто тогда? Дай-ка дедушка посмотрит, что ты мне подарил.

Сказав это, господин Чу взял подарок и спросил у малыша разрешения:

— Дедушка Чу может сейчас посмотреть?

Малыш кивнул и, сжав губки, улыбнулся.

— Можно.

Господин Чу начал распаковывать подарок. Линь Гошэн, Линь Хань и Чу Сяохань, сгорая от

любопытства, что же подарил Фэйфэй, тоже подошли поближе.

Развязав пухлый бант и открыв коробку, они увидели чётки из сандалового дерева превосходного качества.

Бусины, освещённые лампой в кабинете, тускло поблёскивали. Было видно, что их часто перебирали в руках.

Это были те самые чётки, которые господин Чу подарил Фэйфэю при их первой встрече. До этого он носил их много лет.

— Это... — Линь Гошэн не знал, смеяться ему или плакать.

Разве можно дарить человеку то, что он сам тебе подарил?

Это же просто ребёнок, несмышлёныш. А будь на его месте взрослый, это могли бы счесть за оскорбление.

Господин Чу вдруг громко рассмеялся и, глядя на серьёзного малыша, спросил:

— Фэйфэй, это ты мне их возвращаешь или, как говорится, «даришь Будде цветы, сорванные у его же алтаря»?

Фэйфэй не понял ни того, ни другого выражения. Он надул щёчки и растерянно огляделся.

Он что-то опять сделал не так? Почему все смеются над ним?

— Папа сказал, — пояснил малыш, — нужно дарить то, что нравится Фэйфэю.

Но Фэйфэй не знал, понравится ли дедушке Чу то, что нравится ему. Подумав, он решил, что только эти чётки нравятся и ему, и дедушке Чу.

Наконец, насмеявшись вдоволь, все опомнились и перестали смеяться над Фэйфэем. Ещё немного, и малыш совсем растеряется.

Господин Чу достал чётки, надел их на руку и сказал, глядя на Фэйфэя:

— Спасибо за подарок, Фэйфэй. А то у дедушки Чу рука была пустая, я уже отвык.

Малыш покачал головой, посмотрел по сторонам и, покраснев, выдавил:

— Фэйфэй хочет в туалет.

Все смеются над ним, он не хочет здесь оставаться.

Оказалось, малыш в своём юном возрасте уже освоил тактику «туалетного побега».

Линь Гошэн и господин Чу не стали его разоблачать. Господин Чу сказал Чу Сяоханю:

— Сяохань, отведи Фэйфэя в туалет.

Линь Гошэн добавил:

— Линь Хань, иди с ними. Сегодня много народу.

Линь Хань кивнул, и они втроём вышли из кабинета.

Чу Сяохань, конечно, не повёл Фэйфэя в общий туалет. Он отвёл его наверх, мимо комнаты господина Чу, в конец коридора.

Фэйфэй бывал в доме Чу не в первый раз и уже немного ориентировался.

Через некоторое время Фэйфэй и Линь Хань вышли из туалета.

Возвращаться в кабинет они не собирались, а решили пойти прямо в зал, где должно было начаться празднование.

Проходя мимо комнаты господина Чу, Фэйфэй вдруг потянул Чу Сяоханя и Линь Ханя за одежду и, указав на плотно закрытую дверь, спросил:

— Братик Сяохань, а почему он в комнате дедушки Чу?

Злоба, исходившая из-за двери, была настолько сильной, что Фэйфэй почувствовал её даже сквозь стену.

Голос Фэйфэя был тихим, и Чу Сяохань сначала не расслышал. Но слова «в комнате» он уловил.

В одно мгновение Линь Хань и Чу Сяохань резко замерли.

<http://bllate.org/book/13654/1597698>